

Роль Статута Международного уголовного суда в механизме имплементации норм МГП

Махниборода И.М.*

В международно-правовой науке до настоящего времени проводятся дискуссии по проблеме имплементации норм международного права в национальное законодательство государств. Однако этот вопрос так и не был окончательно решен в доктрине международного права, хотя практическое значение его разрешения возрастает. В частности, связано это и с принятием 18 июля 1998 года на Римской конференции Статута Международного уголовного суда (МУС). На сегодняшний день законодательство многих государств не предусматривает возможности брать на себя и выполнять обязательства по Римскому Статуту. В данной работе мы не ставим цель раскрыть все возможные правовые коллизии, препятствующие подписанию и ратификации государствами Статута МУС. Предметом исследования будет являться совокупность уголовных норм национального законодательства РФ, предусматривающих ответственность за совершение международных преступлений, в частности военных преступлений, и норм Римского Статута, касающихся военных преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда. Значение подобного научного анализа обусловлено тем, что привлечение к суду (национальному или международному) военных преступников является заключительным этапом процесса имплементации международного гуманитарного права (МГП). К тому же возможное участие РФ в Статуте МУС потребует от законодателя принятия соответствующих мер по реформированию законодательства и на отраслевом уровне. В этой связи необходимо определить, что следует понимать под имплементацией норм МГП, какую роль играет МУС в механизме имплементации и какие вопросы необходимо разрешить в национальном уголовном законодательстве, определяющем конкретные составы военных преступлений, в связи с учреждением этого института.

Правомерное поведение государств и иных субъектов международного права, направленное на осуществление целей, обозначенных в

---

* Махниборода Инна Михайловна – студентка юридического факультета Ростовского государственного университета.

международных нормах, и выражающееся в соответствующих действиях или в воздержании от таковых, определяет процесс, обозначаемый в международно-правовой науке и практике как имплементация норм международного права. Относительно МГП категория имплементации точно отражает многоаспектную деятельность государств, необходимую для выполнения обязательств по МГП. Имплементация помимо осуществления норм права, претворения их в жизнь в соответствии с определенной процедурой, фактического выполнения конкретными средствами означает, как справедливо замечают некоторые исследователи,¹ обеспечение такого выполнения, создание на международном и внутригосударственном уровнях условий для такого осуществления.

Увеличение числа вооруженных конфликтов в наши дни и совершаемые в ходе этих конфликтов нарушения гуманитарного права повысили интерес к механизмам обеспечения более строгого соблюдения норм этой отрасли с помощью системы санкций, которая направлена на то, чтобы прекратить такие нарушения, в частности путем пресечения серьезных нарушений, квалифицируемых как военные преступления. В МГП большое место отводится пресечению серьезных нарушений, совершенных во время вооруженных конфликтов. В основе такого подхода лежит мысль о том, что санкции являются неотъемлемой частью любой логично выстроенной системы, а угроза их применения представляет собой сдерживающий фактор.² В западной литературе также справедливо отмечается, что при практическом применении положений МГП, предусмотренных конвенциями и другими правовыми документами, можно различать три категории механизмов реализации МГП. Первую из этих категорий составляют превентивные меры, вторую – контрольные меры, а третью – репрессивные меры (санкции) международного гуманитарного права, применяемые в рамках как национальных юрисдикций, так и международного публичного права.³ В связи с этим в доктрине была высказана мысль о том, что в современном международном праве предусмотрены особые спосо-

---

¹ Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации. М.: ГЕНДАЛЬФ, 2000. С. 7; Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980. С. 72 и др.

² Мария-Тереса Дугли, Кристина Пелландини. МККК и система пресечения нарушений норм международного гуманитарного права. Сборник статей. Пресечение нарушений МГП. М.: МККК. С. 140.

³ Кристоф Свинарски. Основные понятия международного гуманитарного права как система защиты человека. М.: МККК, 1997. С. 34, 40-44.

бы имплементации – индивидуальная уголовная ответственность за военные преступления.⁴

В каждой из Женевских конвенций (ЖК) 1949 г. приводится список серьезных нарушений, который расширяется в Дополнительном протоколе I (ДП I), рассматривающем эти нарушения как «военные преступления».⁵ Основная ответственность в деле пресечения серьезных нарушений МГП возлагается на государства. Однако далеко не всегда государства эффективно справляются с этой задачей.⁶ К тому же судьями Международного Суда ООН был справедливо отмечен тот факт, что не существует установленной практики осуществления государствами универсальной юрисдикции, предусмотренной ЖК 1949 г.⁷ Данная ситуация и обусловила во многом появление международных учреждений по привлечению международных преступников к ответственности, среди которых особое место занимает МУС. Объясняется это тем, что МУС должен стать универсальным механизмом по привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества (ст. 5 Статута). Детальное регламентирование норм МГП в части серьезных нарушений и объединение всех составов военных преступлений в одной статье Римского Статута (ст. 8) свидетельствует о том, что МУС – это шаг в развитии не только международного уголовного правосудия, но и МГП. Тем более, как отмечается в литературе, в настоящее время основным источником международного уголовного права является договорная норма,⁸ а некоторые исследователи добавляют к этому признак императивности такой нормы.⁹ В связи с этим при выполнении государствами – участниками ЖК обязатель-

---

⁴ Исакович С.В. Международно-правовые проблемы защиты прав человека в вооруженном конфликте // Вестник Киевского университета. 1976. № 3. С. 32-33.

⁵ ДП I п. 4 ст. 11, п. 3, 4, 5 ст. 85.

⁶ Подробнее: Antonio Cassese. *International Criminal Law*. Oxford University Press. 2003. P. 7-9. Ivan Simonovic. Editorial Comments – Dealing with the Legacy of Past War Crimes and Human Rights Abuses // *Journal of International Criminal Justice*. 2004, september, № 2.3(701), www.lexisnexis.com/pro.

⁷ Joint Separate Opinion of Judges Higgins, Kooijmans and Buergenthal. Case Concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (*Democratic Republic of the Congo vs. Belgium*) // Harris D.J. *Cases and Materials on International Law*. Sixth Edition. London. Sweet&Maxwell. 2004. P. 295-298.

⁸ Панов В.П. *Международное уголовное право*. М., 1997. С. 24-25.

⁹ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Источники и система международного уголовного права // *Государство и право*. № 1. 2004. С. 64-65.

ства по введению в действие законодательства, необходимого для обеспечения эффективных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить серьезное нарушение МГП,¹⁰ необходимо соотносить национальное законодательство государства не только с нормами ЖК, но и с нормами Статута. Причем необходимость в этом существует даже в том случае, если государство не является участником данного международного договора, поскольку, во-первых, нормы Статута, касающиеся военных преступлений, могут действовать как международно-правовые обычаи, а во-вторых, данный процесс в высшей степени будет способствовать принятию государствами обязательств по Статуту МУС. Таким образом, нормы Статута имеют большое значение при имплементации МГП в части военных преступлений. В данной работе нас прежде всего интересуют правовые аспекты взаимодействия норм МГП и национального законодательства, а также каким образом это способствует принятию государствами обязательств по Статуту МУС.

МГП как отрасль международного публичного права подчиняется общим правилам действия норм международного права в РФ, установленных в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ФЗ РФ «О международных договорах РФ» 1995 г., Постановлении Пленума Верховного суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» от 10 октября 2003 г. Необходимо отметить, что большинство норм МГП являются нормами прямого действия и специально не требуют принятия дополнительных правовых мер на внутригосударственном уровне. Исключение составляет только уголовное законодательство государств – участников ЖК 1949 г., в котором должны содержаться нормы, необходимые для привлечения к ответственности военных преступников.

В УК РФ все составы преступлений, касающиеся серьезных нарушений МГП, сосредоточены в Разделе XII «Преступления против мира и безопасности человечества», который содержит только одну главу (гл. 34) с одноименным названием. Рассмотрим более подробно интересующие нас составы преступлений.

Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353), публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354). Международно-правовые нормы, касающие-

¹⁰ См.: ЖК I, ст. 49-59; ЖК II, ст. 50-51; ЖК III, ст. 129-130; ЖК IV, ст. 147; ДП I, ст. 85-91.

ся преступления агрессии, не входят в предмет отрасли МГП, однако нельзя отрицать тот факт, что агрессия в большинстве случаев играет решающую роль для начала конкретных военных действий. Поскольку совершение преступления агрессии нарушает один из основных принципов международного права – неприменение силы и угрозы силой как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН,¹¹ – было признано законным обращение к применению силы в случае посягательств на территорию государства в силу нарушения принципа *casus belli*, т.е. достаточным поводом к военным действиям.¹² Поэтому рассмотрение вопроса о военных преступлениях должно происходить во взаимосвязи с преступлением агрессии. К тому же некоторыми исследователями агрессия рассматривается как военное преступление, которое влечет за собой и охватывает все остальные.¹³

Преступление агрессии тесно связано с вопросом международной ответственности государств. Как отмечает проф. И.И. Лукашук, агрессивная война квалифицируется как преступление, которое порождает соответствующую ответственность по международному праву для его субъектов.¹⁴ Индивиды субъектами международного публичного права не являются, поэтому не могут являться и субъектами преступления агрессии. Однако после Второй мировой войны утвердился принцип, согласно которому физические лица могут нести уголовную ответственность непосредственно на основе норм международного права. Этим и объясняется существование в национальных законодательствах государств норм об ответственности индивидов за участие в актах агрессии. На международном уровне только юрисдикция МУС распространяется на преступление агрессии, но лишь после того, как будет принято положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия, при которых МУС будет осуществлять юрисдикцию касательно этого преступления (ст. 5 Статута).

---

¹¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г.

¹² Международное публичное право: Учебник / Под. ред. К.А. Бекяшева. М.: «Проспект», 2001. С. 62.

¹³ Франсуа Бюньон. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. № 845, март, 2002. С. 215.

¹⁴ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 249.

Из вышесказанного следует, что на сегодняшний день лишь на национальном уровне возможно наличие норм, предусматривающих привлечение к ответственности индивидов, ответственных за участие в преступлении агрессии. В УК РФ составы преступления агрессии (ст. 353, 354) сформулированы в соответствии с Уставом Нюрнбергского трибунала.¹⁵ Однако возможность существования подобных норм во внутригосударственном уголовном праве вызывает много вопросов, поскольку легального определения агрессии до сих пор нет, а то, что содержится в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 от 14 декабря 1974 г., не имеет обязательной силы. Поэтому представляется важным определение того, чем руководствуются национальные суды при рассмотрении дел по ст. 353 УК РФ. В литературе, комментирующей применение данной статьи, указывается, что война должна рассматриваться в качестве агрессивной, если она по своим существенным признакам охватывается понятием агрессии, сформулированным в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г.¹⁶ Но возникает вопрос: могут ли суды для толкования нормы права использовать международно-правовую норму, не ставшую обязательной для государств? Тем более что в науке указывается на наличие существенных недостатков в Определении агрессии 1974 г.: резолюция практически умалчивает о свойственных нашей эпохе скрытых формах агрессии – подрывной деятельности, террористических актах, об иностранном вмешательстве в случае гражданской войны, оккупации с согласия марионеточного правительства и т.д.¹⁷ Поэтому высказывается точка зрения, согласно которой проблема толкования термина «агрессивная война» может стать непреодолимой при привлечении преступников к суду.¹⁸ К тому же без соответствующей деятельности Совета Безопасности ООН по определению конкретных действий государств как актов агрессии на основании гл. 7 Устава ООН деятельность национальных судов в этой сфере вообще кажется бессмысленной. Государственный суд РФ, в частности, некомпетентен квалифи-

¹⁵ См.: Действующее международное право. М., 1997. Т. 3. С. 764-765.

¹⁶ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под. общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М.: «НОРМА», 2001. С. 848.

¹⁷ Франсуа Бюньон. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. № 845, март, 2002. С. 219.

¹⁸ Батырь В.А. Проблемы имплементации Римского Статута Международного уголовного суда в законодательстве Российской Федерации // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. СПб.: «Россия-Нева», 2003. С. 152.

цировать деяния государства как преступные в соответствии с международным правом. К тому же существует доктрина «акта государства», заключающаяся в том, что суды должны воздерживаться от юридической оценки действий исполнительной власти.¹⁹

В том случае, если национальные суды будут рассматривать Определение агрессии в качестве международно-правового обычая (данное предположение имеет под собой логическое основание, поскольку Международный Суд ООН в деле *Nicaragua vs. United States of America* высказал мнение, что некоторые положения Определения агрессии 1974 г. могут рассматриваться как обычное международное право)²⁰, то и это не решит проблем применения и использования нормы международного права. В российском законодательстве отсутствуют критерии, при наличии которых международный обычай может быть применен судом. В законодательствах других государств подобные критерии установлены (Англия, Франция, США и др.).²¹ Представляется необходимым восполнить этот пробел в целях совершенствования всей системы российского законодательства.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно прийти к выводу, что до принятия официального определения преступления агрессии, обязательного для государств, ст. 353, 354 УК РФ не могут в должной мере применяться внутригосударственными судами и не в состоянии реализовать потенциал, предусмотренный законодателем. Однако все вышесказанное не говорит о бесполезности данных норм в уголовном законодательстве. В том случае, если РФ ратифицирует Статут МУС, а на Ассамблее государств – участников Статута будет разработано определение агрессии, то будет необходимым наличие данных норм в УК РФ. Тем более что в соответствии со ст. 21 Статута МУС в своей деятельности может применять в числе прочих и общие принципы права, взятые им из национальных законов правовых систем мира, включая, соответственно, национальные законы государств, которые при обычных обстоятельствах осуществляли бы юрисдикцию в отношении данного преступления.

---

¹⁹ Блищенко И.П. Прецеденты в международном праве. М.: «Международные отношения», 1977. С. 197.

²⁰ ICJ Reports (1996) 14 at. 103. Подробнее: Giorgio Gaja. The Long Journey towards Repressing Aggression. The Rome Statute of the International Criminal Court: a Commentary // Collection of the Papers. Editors: Cassese A., Gaeta P., and Jones J. Vol. I. Oxford. 2002. P. 427-441.

²¹ См.: Блищенко И.П., Солнцева М.М. Мировая политика и международное право. М.: «Международные отношения», 1991. С. 101-102.

Производство или распространение оружия массового поражения (ст. 355), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356). Данные статьи УК РФ предусматривают ответственность за серьезные нарушения МГП (военные преступления). Важно отметить, что МГП содержит в себе два вида запретов: 1) нормы, ограничивающие методы и средства ведения войны (гаагское право); 2) нормы, предоставляющие лицам, находящимся во власти противника, защиту от актов насилия (женевское право). Поэтому в науке международного права военные преступления принято делить на нарушения гаагского и женевского права.²² В российском законодательстве четкого разграничения по данному критерию проведено не было. Иную структуру имеет и ст. 8 Статута МУС «Военные преступления». Критерием разграничения составов военных преступлений в Статуте МУС является деление вооруженных конфликтов на международные и немеждународные, в рамках которых происходят нарушения как права Гааги, так и права Женевы. В западной литературе подобное разделение подверглось резкой критике, поскольку на сегодняшний день существует единый свод норм, применимых как к международным вооруженным конфликтам, так и к немеждународным, а норма Статута этой реалии не отражает.²³ В связи с этим представляется целесообразным отсутствие данного разграничения в УК РФ.

Статут МУС на универсальном уровне установил ответственность за серьезные нарушения ст. 3, общей для всех ЖК, совершенные в период вооруженных конфликтов немеждународного характера. Таким образом, в международном договоре была закреплена обычная норма, которая, однако, ранее действовала и в некоторых национальных уголовных законодательствах государств – участников ЖК 1949 г. Например, в Бельгии сфера применения Закона о пресечении серьезных нарушений ЖК и ДП I была распространена на немеждународные вооруженные конфликты. Это представлялось возможным, т.к. договорные определения, принятые государствами, не препятствовали тому, чтобы они в индивидуальном порядке и в рамках своего внутреннего законодательства рассматривали как военные преступления и другие нарушения права вооруженных конфликтов.²⁴ Однако это не влекло

²² См.: Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 506-521.

²³ Antonio Cassese. The Statute of International Criminal Court: some Preliminary Reflections // European Journal of International Law. 1999. № 10 (144), www.lexisnexis.com/pro.

²⁴ Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 506.

придание подобным уголовно-наказуемым деяниям по национальному праву качеств, присущих международным преступлениям, какими являются военные преступления, – универсальная юрисдикция государств в отношении данного преступления, возможность применения правила *aut dedere aut judicare*, обязанность пресечения всеми государствами и др. Признание на универсальном уровне (в Статуте МУС) совершение серьезных нарушений МГП в случае вооруженного конфликта немеждународного характера военными преступлениями по международному праву означает, во-первых, наделение их всеми вышеперечисленными характеристиками международных преступлений, и во-вторых, появление необходимости наличия подобных норм в законодательстве всех государств – участников Статута.

Статут МУС в качестве квалифицирующего признака военных преступлений указывает на их совершение в рамках плана или политики или при крупномасштабном их совершении (ч. 1 ст. 8 Статута); высказана точка зрения о том, что это должно учитываться судами РФ.²⁵ Представляется, что при определенных обстоятельствах суды могут ссылаться на данную норму в том случае, если государство ратифицировало Статут МУС, однако ее безусловное наличие во внутреннем законодательстве может только усложнить работу судов. Во-первых, судам необходимо будет установить наличие плана или политики государственных органов, которые привели к конкретным серьезным нарушениям МГП, что окажется затруднительным хотя бы в силу доктрины «акта государства», о которой говорилось ранее. Во-вторых, эта формулировка в Статуте МУС представляет собой компромисс. Несколько государств на Римской конференции выступали в пользу более высокого порога юрисдикции, при котором Суд обладал бы юрисдикцией в отношении военных преступлений, «лишь когда они совершены в рамках плана или политики или при крупномасштабном совершении таких преступлений». Очевидное большинство делегаций выступало против каких бы то ни было положений о пороге юрисдикции, однако в конце концов выбранный компромисс был тем не менее признан приемлемым. Согласно найденному компромиссу, план, политика или масштаб преступлений не являются элементами военных преступлений по Статуту или необходимыми условиями для осуще-

---

²⁵ Батырь В.А. Проблемы имплементации Римского Статута Международного уголовного суда в законодательстве Российской Федерации // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. СПб.: «Россия-Нева», 2003. С. 151.

ствления юрисдикции в отношении таких преступлений, но тем не менее это факторы, которые могут быть приняты во внимание Прокурором МУС при определении того, следует ли начинать расследование в отношении предполагаемого военного преступника.²⁶ К тому же, как справедливо отмечает Арье Найер, понятие «военные преступления» шире в том смысле [иных международных преступлений], что подобная квалификация может быть применена и к единичному преступлению, совершенному с нарушением законов войны, причем вне зависимости от того, насколько широко практиковались аналогичные преступления.²⁷ Поэтому нет никакой необходимости в наличии такой нормы во внутреннем уголовном законодательстве РФ. Однако очевидно, что на сегодняшний день возникла необходимость изменения ст. 356 УК РФ в целях ее большего соответствия ст. 8 Статута МУС в части составов военных преступлений. Тем более что Римский Статут МУС – единственный международно-правовой документ, наиболее полным образом конкретизировавший составы военных преступлений. Это дает основания считать, что судьям МУС при квалификации тех или иных деяний не придется опираться в основном на международное обычное право, установление точного содержания положений которого требует глубокого и всестороннего анализа практики государств и международных организаций.²⁸

Наемничество (ст. 359). УК РФ предусматривает ответственность за вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, использование его в вооруженном конфликте или в военных действиях; также за те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или в отношении несовершеннолетнего и за непосредственное участие наемника в вооруженном конфликте. Российский законодатель обособил данную уголовно-правовую норму от ст. 356 УК РФ, которая устанавливает ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, не случайно. Понятие «наемник» впервые было сформулиро-

²⁶ См.: Кнут Дорман. Преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда // «Международный уголовный суд: ратификация и имплементация на национальном уровне». Материалы региональной конференции. Москва, 20-22 марта. 2001 года. С. 37-38.

²⁷ Арье Найер. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М.: Юрист, 2000. С. 53.

²⁸ Асатур А.А. Развитие международного уголовного права и деятельность международных уголовных судов // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 291.

вано в ст. 47 ДП I к ЖК 1949 г. Наемники по смыслу ДП I не признаются законными участниками вооруженных конфликтов, и на них не распространяется режим военного плена. Но могут быть и исключения из этого правила, п. 1 ст. 47 ДП I гласит: «Наемник *не имеет права* на статус комбатанта или военнопленного», что означает только лишь право державшей в плену державе отказывать наемникам, оказывающимся в ее власти, в праве считаться комбатантами, а следовательно, и военнопленными, но никак не ее обязанность.²⁹

Таким образом, буквальное толкование норм ДП I не позволяет говорить о том, что в соответствии с данным международным документом наемничество признается военным преступлением. Однако институт наемничества получил свое дальнейшее развитие в Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, принятой резолюцией 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 4 декабря 1989 года. Согласно названной Конвенции термин «наемник» означает также любое лицо, которое в любой другой ситуации: специально завербовано на месте или за границей для участия в совместных насильственных действиях, направленных на свержение правительства или иной подрыв конституционного порядка государства либо подрыв территориальной целостности государства; принимая участие в таких действиях, руководствуется главным образом желанием получить значительную личную выгоду и которое побуждается к этому обещанием выплаты или выплатой материального вознаграждения; не является ни гражданином, ни постоянным жителем государства, против которого направлены такие действия; не направлено третьим государством для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил; не входит в личный состав вооруженных сил государства, против которого совершаются такие действия. Наемник, согласно данному определению, который непосредственно участвует в военных или совместных насильственных действиях, совершает преступление. Преступление наемничества совершает также любое лицо, которое вербует, использует, финансирует или обучает наемников.

Анализ вышеперечисленных положений УК РФ, ДП I и Конвенции 1989 г. позволяет прийти к выводу, что по объективной стороне норма ст. 359 УК РФ шире, чем положения ст. 47 ДП I, но соответствует Конвенции 1989 г. Однако международно-правовые нормы, предусматри-

²⁹ Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 342.

вающие признаки составов преступлений, должны применяться судами РФ лишь в тех случаях, когда норма УК РФ прямо устанавливает необходимость применения международного договора РФ. Данное правило установлено Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года (ч. 6). Статья 359 УК РФ не содержит отсылки к нормам Конвенции 1989 года, поэтому ее нормы не могут применяться судами РФ.

Важно заметить, что Статут МУС не содержит в ст. 8, где перечислены составы военных преступлений, норму об ответственности за совершение деяний, связанных с наемничеством. Таким образом, механизм привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления наемничества, ограничивается национальным уровнем. Возможно, этот факт объясняется следующими причинами. Во-первых, в науке не раз указывалось на неточность определения понятия «наемник» в международном праве, которое не удовлетворяет сложившимся реалиям вооруженных конфликтов, и делает невозможным доказательство факта участия лица в вооруженном конфликте в качестве наемника.³⁰ Во-вторых, в Уставе ООН провозглашено, что ничто не может помешать реализации неотъемлемого права на самооборону, если вооруженное нападение предпринимается против одного из членов ООН. При том, что в мире невероятно распространены вялотекущие внутренние конфликты, а члены ООН неохотно идут на военное вмешательство, государства и даже гуманитарные организации могут в будущем больше полагаться на частные охранные компании,³¹ которые посредством предоставления нанявшему их правительству хорошо подготовленных военизированных формирований помогают поддерживать внутреннюю стабильность и порядок в государстве. Однако несмотря на то, что подобные охранные компании могут принести пользу государству, их деятельность полностью охватывается определением наемничества, которое содержится в ст. 47 ДП I. Примером может послужить ситуация, сложившаяся в Сьерра-Леоне, где к середине 90-х гг. XX в. правительство оказалось полностью неспособным к наведению порядка в собственной стране, что послужило причиной обращения за помощью к Executive Outcomes (ЕО), частной армии

---

³⁰ См.: Эрик Давид. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 342-344.

³¹ Элизабет Рубин. Наемники // Военные преступления. Это надо знать всем: Справочник. М.: Текст, 2002. С. 285.

наемников, состоявшей из бывших южноафриканских солдат. Те обещали уничтожить мятежников и восстановить закон и порядок в обмен на 15 миллионов долларов и концессии на добычу алмазов. За год люди из ЕО не только в достаточной мере стабилизировали положение в стране, но и обеспечили определенную защиту гражданскому населению. Такая деятельность правительства и наемников позволила некоторым исследователям выдвинуть предложение о возможном наделении наемников статусом комбатанта, поскольку, получив наемники статус и тем самым права комбатанта, они будут с большей долей вероятности придерживаться права вооруженных конфликтов.³²

Таким образом, в связи с названными проблемами криминализация деяний, относящихся к наемничеству, относится к внутренней компетенции государств.

Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК). Данная внутригосударственная норма непосредственным образом связана с МГП, т.к. напрямую предоставляет защиту сотрудникам МККК, а также представителям других международных организаций, деятельность которых направлена на предотвращение конфликтов либо уменьшение их негативных последствий. Статут МУС предусматривает ответственность за умышленное нанесение ударов, совершенных в ходе как международных конфликтов, так и немеждународных, по объектам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, предусмотренные ЖК 1949 г. (пп. xxiv п. b и пп. ii п. e. ч. 2 ст. 8 Статута). В части международных вооруженных конфликтов Суд также обладает юрисдикцией в отношении ненадлежащего использования отличительных эмблем, установленных ЖК 1949 г., следствием которого является смерть или причинение ущерба личности (пп. vii п. b ч. 2 ст. 8 Статута).

Согласно российскому уголовному законодательству подлежит ответственности лицо, совершившее нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортное средство лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений. Таким образом, с субъективной стороны состав этого преступления по УК РФ

---

³² Там же. С. 283, 286.

характеризуется прямым умыслом и специальной целью, наличие которой, как справедливо отмечается в науке, ведет к сужению сферы применения этой уголовно-правовой нормы.³³ К тому же ст. 360 УК РФ должна была заменить ранее действовавшую норму ст. 269 УК РСФСР, которая устанавливала ответственность за незаконное использование знаков Красного Креста и Красного Полумесяца, поскольку ЖК 1949 г. ограничивают, а в некоторых случаях запрещают использование отличительной эмблемы и защитных знаков.³⁴ Однако норма ст. 306 УК РФ структурирована так, что нет никаких оснований привлекать по этой статье лиц, вероломно использующих данные отличительные знаки, а также иные защитные знаки и сигналы, принятые в МГП. Поэтому важным является дальнейшее развитие уголовного законодательства РФ по пути криминализации этого серьезного нарушения МГП.

После проведенного анализа можно отметить, что эффективные наказания за серьезные нарушения МГП в российском законодательстве были установлены (за исключением норм, защищающих отличительную эмблему и защитные знаки и сигналы, предусмотренные МГП) и в части криминализации военных преступлений. УК РФ практически полностью готов к принятию РФ обязательств по Статуту МУС. Таким образом, в случае совершения серьезных нарушений МГП судопроизводство на национальном уровне, а в условиях его отсутствия либо нежелания государства его осуществлять, судопроизводство в МУС будет выступать в качестве заключительного этапа имплементации МГП. Однако хотя созданный МУС и может представлять определенный ориентир для российского законодателя в ходе работы по имплементации МГП, положения Римского Статута не всегда приемлемы для непосредственного восприятия внутригосударственным правом. К примеру:

- Статут МУС исчерпывающим образом перечисляет серьезные нарушения МГП, причем упуская некоторые составы преступлений, которые криминализированы в уголовном законодательстве государств;
- Статья 8 Статута делит военные преступления на части в зависимости от того, в ходе какого вооруженного конфликта они были совер-

³³ Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в законодательстве Российской Федерации. М.: ГЕНДАЛЬФ, 2000. С. 51; Соковых Ю.Ю. Реализация МГП в законодательстве РФ: состояние и перспективы // Государство и право. 1997. № 9. С. 83.

³⁴ См.: ЖК I ст. 42, 44, 53, 54; ЖК II ст. 44, 45; ДП I ст. 37, п. 1 ст. 38, п. 2 ст. 39, п. 3 ф ст. 85.

шены – международного или немеждународного, хотя, как справедливо отмечается и в нашей науке, и в западной,³⁵ существует обычная норма международного права, согласно которой нормы МГП в одинаковой мере относятся ко всем конфликтам; данная норма впервые была установлена Апелляционной камерой Трибунала по бывшей Югославии;

- Римский Статут, раскрывая содержание понятия «военные преступления», опирается только на нормы ЖК 1949 г. и не содержит упоминаний об иных международных актах, которые по своей правовой природе связаны с МГП, например Гаагские конвенции, Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10 декабря 1976 года и др.; их несоблюдение может привести к совершению международных преступлений, которые, будучи совершены в рамках вооруженного конфликта, должны признаваться военными;

- Женевские конвенции 1949 г. запрещают акты террора,³⁶ однако, юрисдикция МУС не распространяется на преступления терроризма, совершенные как в мирное, так и в военное время. Но внутригосударственное законодательство многих государств предусматривает нормы об ответственности лиц, виновных в совершении этих деяний (в РФ – ст. 205 УК РФ), поэтому давно обсуждаются вопросы распространения юрисдикции МУС на преступление терроризма. Пока представляется весьма проблематичным реализовать это на практике, поэтому в литературе высказываются соображения по поводу возможности привлечения к ответственности лиц, виновных в преступлении терроризма, за совершение преступлений против человечности.³⁷

Таким образом, возможна некоторая корректировка норм, предусматривающих ответственность за международные преступления. Однако нельзя однозначно говорить о недостатках Римского Статута, поскольку создание МУС способствует развитию МГП и имплементации

³⁵ Antonio Cassese. The Statute of International Criminal Court: some Preliminary Reflections // European Journal of International Law, 1999, № 10 (144), www.lexisnexis.com/pro; Томас Градецкий. Личная уголовная ответственность за нарушение МГП, применяемого в ситуации немеждународного вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста. 1998. № 20. С. 38; Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Мн.: Тесей, 2000. С. 114 и др.

³⁶ См.: ЖК IV ст. 33; ДП I ст. 43, 44, 51; ДП II ст. 4, 13.

³⁷ Michael Byers. Terrorism, the Use of Force and International Law after 11 September // International and Comparative Law Quarterly, 2002. April. № 51.2 (401), www.lexisnexis.com/pro.

ции норм этой отрасли МПП на национальном уровне. Объясняется это тем, что наличие такого судебного учреждения будет стимулировать работу внутригосударственных судебных органов по привлечению военных преступников к ответственности; наказания за военные преступления действительно могут стать неотвратимыми; Суд сможет решать задачу превенции серьезных нарушений МПП; работа Суда будет сопровождаться созданием большого количества прецедентов в области МПП, положения которых будут использоваться в т.ч. и при имплементации норм данной отрасли; развитие сотрудничества государств при выполнении обязательств по Статуту поможет разрешению проблем, связанных с различными экстрадиционными преступлениями, не подпадающими под юрисдикцию МУС и др. Однако наиболее важным для гуманитарного права представляется объединение большинства серьезных нарушений МПП в одной статье (ст. 8 Статута), что означает переход МПП на другой уровень развития. Подобная систематизация упрощает работу правоприменительным органам государств.

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что учреждение МУС предполагает новый этап развития как межгосударственных отношений, так и различных отраслей МПП, что, естественно, отразится и на развитии национального законодательства государств.